

О.В. Никитин

Московский государственный областной университет

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА ПАМЯТНИКОВ РУССКОЙ ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ В СЕРЕДИНЕ – ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются актуальные проблемы исторической русистики, связанные с изучением памятников русской деловой письменности в социолингвистическом аспекте. Этот подход, по мнению автора, не нашел широкого распространения в традиционной школе лингвистов-историков и источниковедов, за исключением работ Б.А. Ларина, Л.П. Якубинского, отчасти С.И. Ожегова. В статье дается аналитический разбор идей этих ученых, отмечаются наиболее важные, перспективные и в то же время дискуссионные проблемы, которые необходимо решать современной исторической лингвистике. Обращается внимание на необходимость синтетического подхода к анализу деловых текстов (с учетом методик и приемов современных социо- и этнолингвистики). Автор приводит примеры успешных разработок в этой области отечественных и зарубежных ученых, намечает пути развития заявленной проблематики.

Деловая письменность, записи иностранцев, литературный язык, разговорный язык, социальная роль языка, язык и культура, языковая ситуация.

Использование социолингвистических приемов и методик изучения памятников деловой письменности началось сравнительно поздно, во второй половине XX века, когда традиционные подходы формально-грамматического, лексико-семантического анализа текста уже были недостаточны для представления широкой географии языка деловых памятников и их носителей. Применительно к современной социолингвистике, к той ее части, которая соприкасается с исследованиями русского языка в диахроническом плане и притом основывается на данных рукописных источников, следует заметить, что эта сфера пока не нашла активного отражения в работах отечественных ученых, оставаясь по-прежнему недостаточно разработанной. Какие же идеи исследователей памятников русской деловой письменности середины – второй половины XX века мы можем отнести к социолингвистическим?

Для родного языка остается актуальной проблема социальной дифференциации языковой системы. С ней тесно связан вопрос о роли языка в национальном сознании, о чем размышлял еще А.А. Потебня [16; 17] и другие представители русской академической школы. Для нас представляется важным, что социолингвистика имеет широкий понятийный аппарат и использует различные методы, в том числе и коррелятивный анализ. Сама основа науки сближает ее с иными сферами гуманитарных знаний: социологией, коммуникативной лингвистикой, этнографией и т. д., то есть с теми, которые связаны с изучением социальной природы языка. Пограничный характер социолингвистики позволяет также включить в число приоритетных проблем изучение языка и социума этнологических сообществ прошлого. В этой связи применение данных деловой письменности является исключительно важным.

Так, на основе исследования иностранных лексиконов Б.А. Ларин выделил особенности севернорусского «городского общего разговорного языка» в XVI веке [3, с. 54] и установил существование «общего разговорного языка городского посада». Он писал: «Общий язык больших городов в XVI–XVII вв. не совсем единообразен везде. Но основные социальные слои были везде одни: служилое дворянство, торговое сословие и ремесленники посада, да при них многочисленные работные люди разных степеней зависимости. Этим постоянством социального состава прежде всего и объясняется относительная близость городской (посадской) койне (так у Б.А. Ларина. – *О. Н.*) на основе местных наречий в разных городах. Некоторое влияние литературного языка, а также неизбежная примесь московской речи, импортируемая служилыми людьми и купечеством с его агентами, внедрялись в койне каждого города, как незывлемые основы строящегося общего разговорного языка Московской Руси в XVI в., пока еще только «посадского», а в дальнейшем развитии – национального» (цит. по: [8, с. 75]).

Ценность изучения иностранных источников (лексиконов, словарей и т. п.) для воссоздания фактов исторического развития русского языка многие годы незаслуженно исключалась из «приоритетов» науки. Именно Б.А. Ларину принадлежит прорыв в этой области. Его ученица О.С. Мжельская пишет: «Особый круг источников лексики русского обиходно-разговорного языка XI–XVII вв. – труды иностранцев о русском языке, – практически не использован в русской исторической лексикографии. Словарь русского языка XI–XVII вв. не включил их в корпус своих источников (исключение составляют Русская грамматика Г. Лудольфа 1696 г. и псковский разговорник, составленный Т. Фенне, 1607 г.).

Б.А. Ларин отстаивал важность этих записей, указывая, что несмотря на возможные погрешности в передаче фонетического облика слова, его грамматических показателей, а изредка и смысла, сведения о словах и их значениях оказываются, как правило, точными, что может быть подтверждено сопоставлением с отражениями этих слов и их значений в письменных старорусских текстах и народных говорах» [24, с. 106].

Зарубежные источники во многом позволяют по-другому посмотреть и на характер бытовой письменности и ее роль в культуре Древней Руси, установить подлинные картины речетворчества наших предков. Так, известный исследователь проф. С.С. Волков обоснованно пишет: «Содержащиеся в Словаре-дневнике Р. Джемса записи русских слов и словосочетаний (речевые формулы, идиомы, сложные термины), которых более 2200 единиц, не только раскрывают значительную часть лексического фонда общенародной обиходной русской речи начала XVII в. эпохи активного формирования русской нации и ее языка, специфику словаря холмогорского говора этой поры, но и позволяют наглядно представить себе социальную, хозяйственную и производственную жизнь, быт и культуру русских людей в то далекое от нас время» [2, с. 73].

Следует сказать и о том, что часто обсуждаемый с большим или меньшим успехом вопрос о грамотности русского человека в Средние века, степени его образованности, «круге чтения» во многом может быть разрешен с использованием новых данных, представляемых как раз материалами, собранными зарубежными учеными и путешественниками. «Для исторической лексикологии русского языка представляет большой интерес то обстоятельство, что русская часть этих источников... строилась не на основе церковно-книжного языка Московской Руси, а на базе *обиходно-разговорной речи торговых центров, разговорной речи городских жителей* (здесь и далее курсив наш. – О. Н.), ставших информантами иностранцев. Мы почти ничего не знаем о том, кем были эти русские люди, очевидно, они принадлежали к разным социальным группам, но круг лексики и образцы диалогов, продиктованные или даже написанные ими, свидетельствуют о *грамотности и образованности* большинства из них» [24, с. 106–107].

В 1936 году Б.А. Ларин написал «Проект древнерусского словаря», где хотел реализовать один из основных тезисов своей историко-лингвистической деятельности: «...русский язык XV–XVIII вв. не представлял единой системы, одного языка... было несколько типов литературного языка и ряд разговорных диалектов...» [5, с. 118]. Отличием этого лексикографического источника должно было стать расширение узких рамок традиционно привлекавшихся для такой работы материалов. И здесь, по мнению ученого, «посадские люди», особенно с XVII века, оказали значительное влияние на формирование письменной и устной языковой культуры: «...они начинают создавать свою письменность и свой тип литературного языка...» [5, с. 118]. Ряд интересных положений выдвигается и в отношении делового языка традиционных памятников. «До сих пор, – писал Б.А. Ларин, –

историки русского языка отличали деловой язык как «чисто русский» от собственно литературного как церковнославянского. Оба эти типа обычно рассматривались как выдержанные, цельные языковые системы. Но мы не можем уже удовлетвориться таким огульным и неточным суждением» [5, с. 118]. Как полагает ученый, формы приказного языка и его строй «оказывается еще менее однородным», а «в XVII–XIX вв. образуется новый тип бюрократического «дипломатического» языка, который оказывает очень сильное воздействие на остальные типы литературного языка (как и приказный язык в XVII в.)» [5, с. 118]. Важным шагом в лексикографической работе по составлению древнерусского словаря Б.А. Ларин считал подготовку богатого и научно дифференцированного материала по лексике делового языка. Он ставит вопрос о необходимости учитывать «все основные социальные диалекты феодальной эпохи» [5, с. 119]. Современнно звучит и следующая мысль ученого: «Наши интересы и требования к изучению делового – приказного – канцелярского языка иные, чем прежде, и потому мы находим в нем гораздо больше, чем прежде, драгоценных данных для истории русских социальных диалектов» [5, с. 119].

Более подробно вопрос о типах литературного языка был разработан им в курсе «Лекций по истории русского литературного языка» [4]. Языку деловой письменности он посвятил несколько глав, где рассмотрел отдельные источники, сохранившие разговорный элемент в текстовом формуляре. К ним он относил, в частности, «пытошные речи», «явки» и частные письма, которые, по его мнению, могут служить достоверными свидетельствами об истории русского просторечия. Особенно ценны эти источники для восстановления характера московского просторечия XVI–XVII вв.

Ряд любопытных положений Б.А. Ларин формулирует и в статье «Разговорный язык Московской Руси». Так, нам представляется существенной мысль ученого о причинах возникновения «деловых диалектов». Он пишет: «То, что исследователи называют теперь областными элементами в деловом языке, как нельзя яснее показывает различие между нормализованным языком Московских приказов и речью дьяков и подьячих из местных жителей в «земских избах» на периферии государства» [6, с. 170].

Вообще в исследованиях Б.А. Ларина, архивах и многочисленных разработках ученого, которые, к сожалению, получили развитие спустя несколько десятилетий после его ухода, содержится кладезь идей по широкому спектру проблем исторической русистики. Так, отчасти опираясь на методологические разработки Б.А. Ларина, мы, например, анализировали «подлую речь» в деловых документах XVI–XVII вв. [13].

Приведем в русле нашей проблемы тезисы одной из публикаций Б.А. Ларина:

«Обиходный язык достаточно четко отличается от церковнославянского. Это язык устного общения и частных деловых документов, лишенных политического, общегосударственного значения.

Труднее отграничить обиходный язык от областных крестьянских диалектов. Мы имеем в виду ту наддиалектную систему разговорной речи, которая по-

степенно складывалась с XV по XVIII в. и именовалась в эту эпоху «просторечием». Тогда этот термин означал не сниженную, а общую разговорную речь, в противоположность книжному письменному языку.

Существенно и то, что под обиходным языком Московской Руси мы понимаем несколько обобщенный, именно общий разговорный язык, а не узко-локальный тип и не узкосоциальный (например, крестьянский или посадский).

Обобщение тут закономерно потому, что соответствует ясно проявляющейся в эту эпоху тенденции к устранению специфически местных и специфически словных отстоев в языке, тенденции к выработке общего, общепонятного разговорного языка.

Обобщение это оправдано еще и тем, что отражение разговорного языка в письменности XV–XVII вв. всегда обобщено, обеднено, лишено конкретных деталей, подведено под нормы письменного языка, в большинстве случаев лишено той животрепещущей подлинности, какую мы находим в записях разговорной речи, относящихся к новому времени, в записях XVIII–XIX вв.

Лишь в сборниках пословиц, в сатирической литературе и крупными в частно-деловой письменности XVII в. мы находим прямое отражение разговорной речи, но и то с очевидным для исследователя упрощением и обобщением» [7, с. 5–6].

Эти и некоторые другие идеи ученого обозначили и современную тенденцию изучения языка памятников письменной культуры (и не только). Так, повышенный интерес к просторечию как явлению этно- и социолингвистического масштаба во многом был определен учеными того времени: Е.Д. Поливановым, Л.П. Якубинским, С.И. Ожеговым и др.

Социальную роль в формировании и литературной обработке московского письменного делового языка, по мнению Л.П. Якубинского, сыграли Посольский приказ, а также законодательные акты московских князей [20, с. 128–129]. «Московские и провинциальные дьяки и подьячие выступают в XV–XVII вв. как новый слой *интеллигенции* (курсив наш. – О. Н.) соперником старой церковно-монашеской и боярской» среды [20, с. 130]. В это же время, как полагает ученый, он становится образцом для провинциальных канцелярий и приобретает общегосударственное значение. Более того, «он становится образцом для всех грамотных людей, пишущих по-русски, т. е. общерусским языком письменных сношений. Это обстоятельство очень важно. Именно как общерусский язык письменных сношений, а не как официально-канцелярский язык, он и получает громадное значение в образовании русского национального литературного языка» [20, с. 130]. Реформы Петра во многом были направлены на построение новой концепции жизнеустройства России и, что естественно, отразились на создании литературных жанров и стилей. Как считает Л.П. Якубинский, именно «в поисках основы для нового литературного языка Петр и его сотрудники обратились к московскому деловому языку. Московский деловой язык отличался нужными качествами: во-первых, это был язык русский, т. е. доступный, понятный для широких слоев общества; во-вторых, это был язык светский, свободный от символики церков-

но-религиозного мировоззрения» [21, с. 159]. Это была лишь часть задуманного, и деловой язык играл здесь свою «специальную» роль.

Взгляды С.И. Ожегова на проблему развития делового языка менее известны. В сборнике его трудов [14] есть лишь отдельные фрагменты по истории русского литературного произношения, исторической лексикологии и лексикографии. Однако в Архиве РАН нам удалось обнаружить неизвестные ранее свидетельства ученого, показывающие его большой интерес к проблемам языка деловой письменности и русскому просторечию. В одной из лекций он замечает: «Московский деловой язык расширяет границы своего применения с XVI в., применяясь в описании путешествий, в частной переписке, переписке Ивана Грозного, Уложении 1649 г., как бы вытесняя книжно-литературный» [1, № 40]. С.И. Ожегов, очевидно, вслед за Б.А. Лариным, указывает и на любопытное свидетельство иностранцев как еще один важный источник по истории русского языка. Он пишет, что «разница между книжно-литературным языком и деловым устанавливается иностранцем Лудольфом...» [1, № 40]. Интересно также наблюдение С.И. Ожегова о том, что пережитки киевского делового языка сохранились в московском, прежде всего – «трафареты грамматических посланий». Ученый отмечает и такой социальный фактор, повлиявший на развитие делового и народно-разговорного языка, как «смещение средней части господствующего класса», особенно дворянства. «Это отразилось и на характере московского языка, состав его к концу XVI в. изменился за счет пополнения южнорусскими элементами» [1, № 40].

Важные для современного освещения социолингвистических представлений взгляды С.И. Ожегова нашли отражение и в объемной статье «О просторечии (к вопросу о языке города)» [1]. В ней выражен филологический и даже в чем-то философский характер «лингвистического времени». «В языке современности, – пишет он, – нет единства. <...> Отсутствие единства создается <...> существованием двух полярных систем. Одна – литературный язык с достаточно устойчивыми формами выражения и письменно-фиксированный, с резкими консервативными тенденциями». Поэтому ученый уделил особое внимание различиям типов городского языка и выявлению тех его просторечных компонентов, которые свидетельствуют о наличии особого городского «говора». При этом С.И. Ожегов различает понятия «просторечие» и «диалект», полагая, что последнее «до сих пор нельзя считать окончательно определенным». Весьма подробно рассматриваются в статье основные тенденции просторечия. Автор выделяет описываемый им языковой феномен в «особую орфоэпическую систему» и подробно анализирует ее признаки. Во многом интересные идеи С.И. Ожегова, связанные с проблемой соотношения просторечного слова с иноязычными заимствованиями. В заключительной части статьи ученый исследует семантико-синтаксические отношения «внутри» системы городского арго, а именно: «приспособление литературных значений, деформация синтаксических оборотов и фразеологии» [1, № 11] (полностью текст опубликован в [15]).

Синхронный срез тесно связан с диахронным. В их взаимодействии социолингвистика находит свое выражение, в частности, когда имеет дело с определенными социальными группами (общностями) и исследует проблемы изменчивости их языка. Актуальность подобного подхода подчеркивает А.Д. Швейцер: «Для анализа социально детерминированной вариативности в ситуациях языкового континуума используется импликационная волновая модель, позволяющая установить социальную иерархию языковых вариаций и связать их синхронный анализ с диахронным» [19, с. 482]. Среди других проблем социолингвистики в исследуемом нами ключе перспективным является изучение форм проявления языка (языков, диалектов, социальных койне), распространенных на определенной территории, представляющей собой языковую и этносоциальную общность. Этот вопрос включает в себя понятие *языковая ситуация*. Среди выделяемых типов языковых ситуаций мы обращаем внимание на эндогlossные – совокупности существования подсистем одного языка (в противоположность экзогlossным, где рассматриваются разные языки).

Пограничным вопросом, связывающим методы социо- и этнолингвистических исследований истории русского языка, стал тезис о *культурной роли* языка и взаимодействии его форм с компонентами культуры. Перспективным представляется рассмотрение указанной проблемы на примере историко-культурных связей моноэтнических общностей, замкнутых этнолингвистических систем (например монастырей), где данный тезис может получить принципиально новое решение, а двусторонний характер взаимодействия элементов языка и культуры будет дополнен другими параметрами. Ближе к этому стоит проблема социального билингвизма и полигlossии как соотношения «различных социально противопоставленных друг другу подсистем одного языка» [19, с. 481–482]. Язык и общество, язык и политика, жаргоны – также весьма актуальные проблемы современной и исторической социолингвистики. В этом отношении весьма ценны труды З. Кёстер-Томы (см., напр., [23] и издававшийся ею в Германии журнал «Russistik»). В последние десятилетия активно обсуждается вопрос о социально-историческом подходе к диалектологии. Одним из первых обосновал необходимость введения социального элемента в эту область исследований Г. Фрингс (Frings), представитель лейпцигской школы. В России данная проблема активно разрабатывается В.Д. Бондалетовым (см. об этом: [9]).

Описанные нами подходы ученых к изучению социологии и этнологии слова в целом могут найти широкое применение не только при изучении деловых традиций прошлого, но и настоящего.

В заключение подчеркнем, что при всем многообразии социолингвистических течений и различий методов (оригинальными и полезными для реализации в этом ключе выглядят также идеи Б. Унбегауна, см.: [10], У. Биргегорд [22] и др.), в науке все же наблюдается общая тенденция изучения социальной стороны языка современного общества. Это вполне объяснимо: социолингвистика как научная дисциплина находится в стадии активной разработки методологии и приемов, сфер применения и т. п. Диахронический

аспект в меньшей мере привлекает ученых. Тем не менее немногочисленные идеи, основанные на изучении памятников письменной культуры (к перспективным разработкам современных ученых относим публикации Г.В. Судакова [18]), кажутся нам достойными описания и пристального внимания. Нас интересует прежде всего та область лингвистических исследований, где социальная история русского языка неотрывна от эпохи его изучения и территории бытования. Мы обращаем внимание на исследование особых социумов, этнолингвистических общностей и коллективов людей, владеющих собственным «деловым» койне (об этом мы писали, напр.: [11; 12]), стилем и языком. Такую незначительную, на первый взгляд, проблему и поможет разрешить изучение языка письменных источников делового содержания в социолингвистическом ключе.

Литература

1. Архив РАН. – Ф. 1516. – Личный фонд С.И. Ожегова. – Оп. 1. – Ед. хр. №№ 11, 40.
2. Волков, С.С. Русский быт и культура в Словаредневнике Ричарда Джемса (1618–1619) / С.С. Волков // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – С. 72–78.
3. Ларин, Б.А. Парижский «Словарь московитов» 1586 г. / Б.А. Ларин. – Рига: Латв. гос. ун-т, 1948. – 211 с.
4. Ларин, Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.): учеб. пособие для филолог. специальностей ун-тов и пед. ин-тов / Б.А. Ларин. – Москва: Высшая школа, 1975. – 327 с.
5. Ларин, Б.А. Проект Древнерусского словаря / Б.А. Ларин // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. проф. Б.Л. Богородский, Н.А. Мещерский. – Москва: Просвещение, 1977. – С. 114–124.
6. Ларин, Б.А. Разговорный язык Московской Руси // Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. (Избранные работы): учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / сост. проф. Б.Л. Богородский, Н.А. Мещерский. – Москва: Просвещение, 1977. – С. 163–175.
7. Ларин, Б.А. Заметки о «Словаре обиходного языка Московской Руси» / Б.А. Ларин // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – С. 5–9.
8. Никитин, О.В. 1996 – Гипотеза посадской письменности Б.А. Ларина в контексте этнокультурной традиции лингвистического изучения памятников русской истории / О.В. Никитин // Acts Facultatis Paedagogicae Universitatis Šafarikanae: Studia Philologica. Rosica Slovaca V. Annus IV. – Prešov, 1996. – S. 75–79 [Zbornik pedagogickej fakulty v Prešove Univerzity P. J. Šafarika v Košiciach, rok 1996].
9. Никитин, О.В. 1998 – Социальные диалекты как особый тип языка (об исследованиях арготических микросистем проф. В.Д. Бондалетова) / О.В. Никитин // Четвертые Поливановские чтения: сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Часть II. Лексика. Фразеология. Словообразование. Смоленск, 19–20 мая 1998 г. – Смоленск: СГПУ, 1998. – С. 24–37.
10. Никитин, О.В. 2000 – Специфика развития делового письма и история русского литературного языка в трудах Б. Унбегауна (к полемике о функциональных особенностях письменной речи) / О.В. Никитин // Russistik (Berlin), 2000. – № 1–2. – С. 33–46.
11. Никитин, О.В. Русская деловая письменность как этнолингвистический источник (на материале памятников

севернорусских монастырей XVIII века): дис. ... канд. филол. наук / Никитин О.В. – Москва, 2000.

12. Никитин, О.В. Деловой язык и литературные тексты XV–XVIII вв.: монография / О.В. Никитин. – Москва: Изд-во МГОУ, 2004. – 324 с.

13. Никитин, О.В. «Подлая» речь в деловых документах XVI–XVII веков / О.В. Никитин // Книгамъ бо есть нещетна глубина: Essays in Honour of Irina Lysén / Edited by Martine Eckhoff and Thomas Rosén. – Uppsala: Printed by Kph Trycksaksbolaget AB, 2015. – С. 102–112.

14. Ожегов, С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи: учеб. пособие для вузов / С.И. Ожегов. – Москва: Высшая школа, 1974. – 352 с.

15. Ожегов, С.И. О просторечии (к вопросу о языке города) [вступление, подготовка текста и примечания О.В. Никитина] / С.И. Ожегов // Вопросы языкознания. – 2000. – № 5. – С. 93–110.

16. Потебня, А.А. Язык и народность // Потебня А. Мысль и язык / А. Потебня. – 3-е изд. – Харьков, 1913. – С. 187–220.

17. Потебня, А.А. О национализме // Потебня А. Мысль и язык / А. Потебня. – 3-е изд. – Харьков, 1913. – С. 221–225.

18. Судаков, Г.В. История русского слова / Г.В. Судаков. – Вологда: ВГПУ, 2010. – 336 с.

19. Швейцер, А.Д. Социоллингвистика / А.Д. Швейцер // Лингвистический энциклопедический словарь. – Москва: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 481–482.

20. Якубинский, Л.П. Краткий очерк зарождения и первоначального развития русского национального литературного языка (XV–XVII века) / Л.П. Якубинский // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование / отв. ред. А.А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1986. – С. 128–158.

21. Якубинский, Л.П. Реформа литературного языка при Петре I / Л.П. Якубинский // Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и функционирование / отв. ред. А.А. Леонтьев. – Москва: Наука, 1986. – С. 159–162.

22. Birgegård, U. «Справочник» по терминологии Уложения 1649-го года, составленный учителем русского языка 17-го века / U. Birgegård // Russian Linguistics. – 1987. – Vol. 11. – Pp. 237–254.

23. Koester-Thoma, S. Die Lexik der russischen Umgangssprache / S. Koester-Thoma. – Berlin: Dieter Lenz Verlag, 1996. – 275 S.

24. Мжельская, О.С. Заметки о лексике разговорников / О.С. Мжельская // Вопросы теории и истории языка: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Ларина. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1993. – С. 106–110.

Рецензенты: Л.Г. Яцкевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ,

Е.Н. Ильина, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, журналистики и теории коммуникации ВоГУ.

O.V. Nikitin

STUDYING THE LANGUAGE OF DOCUMENTS OF RUSSIAN BUSINESS LITERATURE IN THE MIDDLE – SECOND HALF OF THE 20th CENTURY: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

The article considers topical issues of historical Russian studies, associated with the study of monuments of Russian business literature in sociolinguistic aspect. This approach, according to the author's opinion, has not found wide spread in the traditional school of linguists-historians and source-study scientists, with the exception of B. A. Larin, L. P. Yakubinskiy, partly of S. I. Ozhegov. The article provides an analytical review of the ideas of these scholars, highlights the most important, promising and at the same time controversial issues that need to be addressed by modern historical linguistics. Attention is drawn to the need for a synthetic approach to the analysis of business texts (including methods and techniques of contemporary socio- and ethnolinguistics). The author gives examples of successful ideas in this area of domestic and foreign scientists, outlines the development of the claimed issues.

Business writing, records of foreigners, literary language, spoken language, social role of language, language and culture, language situation.